

#МИСТИЧЕСКИЕ ТРИЛЛЕРЫ ОБРАЗЦОВА

Константин
ОБРАЗЦОВ

КРАСНЫЕ ЦЕПИ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-23

Образцов, Константин Александрович.
О-23 Красные цепи / Константин Образцов. — Москва : Эксмо, 2023. — 576 с. — (Мистические триллеры Образцова).

ISBN 978-5-04-186592-4

Унылый и чопорный дух старого города остается прежним: дух мертвеца, надменно взирающего на суету мира живых. Кажется, что даже обитатели домов остаются теми же, что и сто лет назад: люди, похожие на призраков, и призраки, похожие на людей. Гигантское болото, погребенное под тяжелой могильной плитой города, выдыхает туман, просачивающийся сквозь сырые камни к мглистому небу, и его гнилостные испарения пропитывают разум, души и тела живущих...

Петербург, наши дни. В городе происходят жестокие убийства, явно совершенные адептами какого-то кровавого культа. Двое — похоронный агент, хранящий собственные мрачные тайны, и женщина-криминалист — по воле случая начинают свое расследование: официальные службы бездействуют, а неизвестных убийц защищает чье-то могущественное покровительство. Такова завязка этой жутковатой и запутанной истории, в которой сплелись в единую цепь багрово-красные звенья средневековых мистерий, преступных страстей, безумия и одиночества.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186592-4 © Образцов К. А., 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Тайны существуют, чтобы человек не сошел
с ума.

Нил Гейман

Но там, где есть чудовище, есть и чудо.

Огден Нэши

Самая великая уловка Дьявола — в том, чтобы
заставить нас поверить, что он не существует.

Шарль Бодлер

ЧАСТЬ I

РТУТЬ

ГЛАВА 1

Огни фонарей дрожат и мерцают, как капли воды на стекле под порывами ветра. Ночь накрыла город стылой тьмой и тяжелым осенним дождем, который колотит во все стороны, куда направит его недобрый ветер.

Три слабо светящихся во мраке окна кажутся окнами в другой мир, таинственный, теплый, уютный: здесь мягкий желтый свет десятками мерцающих огоньков отражается в стекле бутылок и зеркальные полки выглядят праздничными, как рождественская елка. Из двух колонок негромко и хрипло поет Армстронг. Я поднимаю стакан, вдыхаю аромат виски — запах дыма с рыбацких верфей, дегтя, просмоленных канатов и густого тумана над озером — и делаю глоток. Жидкое торфяное пламя пробегает через гортань и согревает меня изнутри. Я оглядываюсь вокруг. Несколько маленьких столиков, вокруг которых стоят старые шаткие стулья, большой пыльный диван, рядом с ним стол из круглой деревянной катушки для кабеля и двух пивных кегов. Темные стены, увешанные фотографиями и старыми плакатами рок-групп, теряются в пыльном полумраке. Поздним вечером буднего дня в баре почти никого, только за дальним столиком в самом углу сидят напротив друг друга двое молчаливых пьяниц, гипнотизирующих бокалы с пивом у себя под носом так, словно ждут, что оно обратится в водку. На стойке по левую руку от меня скалится провалом пустого рта большая желтая тыква — заготов-

ка на Хэллоуин. Впрочем, этот праздник здесь можно отмечать каждую ночь уик-энда. Надпись, сделанная белой канцелярской замазкой на зеркале у входа, честно предупреждает: «В пятницу и субботу — АД!» Тогда в два маленьких зала битком набивается жаркая толпа, грохочет музыка, бурлит алкогольный паводок, прорывая плотины рассудка, и к двум часам ночи люди уверенно превращаются в гоблинов и ведьм. Впрочем, некоторые уже такими сюда приходят.

Но сейчас тут тихо и пусто, музыка не валит с ног, и никто не толкает под локоть, расплескивая тебе на грудь твой же собственный скотч. Я делаю еще один глоток. Здесь я давно уже дома.

Каждому человеку нужно такое место, где можно почувствовать себя дома, и часто в гораздо большей степени, чем там, где мы ужинаем, засыпаем, просыпаемся и уходим, чтобы снова вернуться вечером. И бар как нельзя лучше подходит для того, чтобы стать таким местом — во всяком случае, для меня. Чтобы на улице лил вечный дождь, а здесь был теплый желтый свет, и негромкая музыка, и чтобы можно было сказать бармену: «Налейка мне как всегда, дружище, плесни на два пальца этого пойла».

— Налейка мне еще, Маришка, — говорю я. — Плесни на два пальца этого пойла.

— Это что-то новое, — смеется Марина. — Тебе уже хватит на сегодня, по-моему. С каких это пор односолодовый виски у тебя стал пойлом?

— Если бы ты была знакома с ним так же хорошо, как и я, могла бы тоже называть его пойлом. Дружеское прозвище.

Я улыбаюсь и смотрю на нее сквозь сияющий янтарь скотча, который еще остается на дне моего бокала.

— Сделаю лучше тебе кофе, пьяница, — говорит она и идет к кофейному аппарату. Я одним глотком допиваю виски и закуриваю. Дым поднимается к потемневшему абажуру над стойкой и клубится там, похожий на причудливый вращающийся светильник.

Я вижу ее в «Винчестере» почти каждый вечер уже полгода. В последние пять-шесть месяцев у меня достаточно времени, чтобы приходить сюда постоянно и просиживать до глубокой ночи. Иногда выпадают нелегкие дни, заполненные делами и суетой, и я прихожу в бар, пропахший формалином, ладаном и сырой землей; иногда пустые, как те дневные телевизионные передачи, которыми я заполняю время в ожидании вечера. А вечер — это мягкий свет, похожий на сияние скотча в бокале, и

старая барная стойка, испещренная царапинами и бесчисленными следами каблуков-шпилек, и согревающий сердце виски, и ветхий деревянный стул, и Марина. Главное — это Марина. Конечно, есть еще маленькая веселая Иришка Орешкина, и томная Снежана, и Настя, но главное — Марина. Я никогда не узнавал заранее, кто работает вечером, чтобы сохранить то радостное мгновенное чувство, когда открываешь деревянную дверь с матовым стеклом, звякает треснувший колокольчик, и вот секунда — и в полумраке за стойкой видишь знакомый профиль, темные волосы, быстрое изящное движение, и она пока не видит меня, а я уже прошел половину пути до стойки по затоптанному грязному ковру, и тогда она поворачивается, и улыбка ее расцветает навстречу.

— Привет, мой любимый бармен.

— Привет, пьяница!

Наверное, за полгода почти ежедневного общения можно неплохо узнать человека. Что до меня, то я вообще считаю, что внутреннее содержание большинства людей полностью исчерпывается за несколько минут разговора. А за шесть месяцев поговоришь и расскажешь вообще обо всем: о прошлом и будущем, о разочарованиях и радостях, о друзьях, родных и знакомых, о книгах и фильмах... В общем, более чем достаточно, чтобы исчерпать все возможные темы для бесед. Но с Мариной все по-другому. Нам всегда есть что сказать друг другу и есть что послушать. И в конце концов не так важно, о чем мы разговариваем. Иногда слова — это просто фон, как музыка или бормочущий телевизор, избавление от тишины. И тогда становится важно другое. Важно, насколько близко к моей руке на стойке бара лежит ее рука, как она улыбается мне, и вот я тоже улыбаюсь в ответ. Я смотрю на нее, и мне кажется, что ничего и никого прекраснее я не видел в своей жизни. Может быть, причиной этому уютный домашний полусвет и мерцание зеркальных полок бара, может быть, скотч, а может быть, это что-то большее. И сейчас я хочу думать именно так.

— Вот твой кофе, — говорит Марина, ставит передо мной дымящуюся бодрящими ароматами чашку и остается стоять рядом. Нас разделяет только стойка. Я сижу и смотрю на ее руки, лежащие на темной деревянной поверхности, — такие легкие, красивые и изящные.

— Трудный день? — спрашивает она.

— Так заметно? — Я поднимаю голову. Ее лицо в обрамлении темного каре волос прямо передо мной.

— Ну... вообще-то, да, — отвечает Марина и снова улыбается.

Я чуть отодвигаюсь в сторону, стараясь рассмотреть свое отражение в зеркальной стене за полками. Из-за бутылок выглядывает мой унылый двойник: всклокоченные волосы, щетина, бледная вытянутая физиономия и покрасневшие глаза.

— Да, — соглашаюсь я. — Денек тот еще. Были нелегкие проводы.

— Кто на этот раз?

— Молодая девушка. Самоубийца. Прыгнула с шестнадцатого этажа. Закрытый гроб, родители, и все такое.

— Ужас. — Марина передергивает плечами.

Ветер, набрав полные ладони холодного дождя, бросает его в темные стекла окон, и вода стекает струями вниз, как будто скользят руки созданий, скрывающихся в ненастной темноте. Тяжелые капли громко стучат в окно, словно кто-то просит впустить его внутрь. Двое молчаливых субъектов в углу как по команде поднимаются из-за своего столика, оставив бокалы с недопитым пивом, и так же безмолвно идут к двери, натягивая на ходу серые куртки. Коротко звякает колокольчик над входом.

— Всего доброго, приходите к нам еще! — звонко говорит им вслед Марина, но они уже исчезают во тьме вместе с мгновенным порывом ворвавшегося в бар холода. Стукнула, закрываясь, дверь. Теперь мы здесь только вдвоем.

Армстронга сменил Синатра: зеленые деревья, розы в цвету, какая прекрасная жизнь...

— Ужас, — снова повторяет Марина и смотрит на меня.

— Иногда единственное чудо, к которому человек может прикоснуться за всю свою жизнь, это именно смерть, — говорю я.

— Почему?

— Потому что вообще чудо — это свидетельство о том, что есть нечто большее, чем наша обычная жизнь. О том, что вечно. И нет ни одного столь яркого напоминания об этом, как смерть. А еще это то, что нельзя проигнорировать — так, как это делает человек, сталкиваясь в своей жизни с другими проявлениями чудесного или читая про то, что называется чудесами, или глядя на них по телевизору. Смерть не дает ни одного шанса остаться незамеченной теми, к кому она прикасается.

— Все равно... я бы, наверное, не смогла так работать, как ты. Мне было бы очень жалко людей: и тех, кто умер, а особенно тех, кто остался жить. Ну, просто это столько страданий...

Я кивнул и одним глотком выпил половину чашки горячего кофе. Марина знает, что я похоронный агент, и часто спраши-

вает меня о тех, кого я провожаю. Наверное, в ее глазах я некий Харон, медиатор потустороннего мира, хотя лично я организую проводы только для тела: тем, что было человеческой личностью или душой, занимаются совсем другие.

— Люди становятся гораздо лучше в минуты страданий, поверь мне. Я имею дело только с теми, кто равнодушен к своим покойным, такая специфика работы. Возможно, за всю свою жизнь эти люди не испытывали чувств более чистых, искренних и сильных, как при потере близких, — причем и к этим самым близким в том числе.

И это истинная правда. Полтора года назад, когда я почти случайно начал работать в этом бизнесе, мне уже было трудно и неприятно общаться с большинством окружающих меня людей, если не сказать, что со всеми. Я и сейчас не могу назвать себя ни альтруистом, ни филантропом, но те несколько дней, что я провожу со скорбящими родственниками, отчасти примиряют меня со всем человеческим родом.

— А еще в такой ситуации люди часто искренне благодарны за помощь — тоже не самое распространенное человеческое качество. Так что можно сказать, что у меня просто прекрасная работа: я постоянно имею дело с чудом и искренними чувствами.

Марина улыбается.

— В твоём изложении звучит просто волшебно. Проводишь меня?

— До дома?

— Нет... когда я умру. Если уж этого чуда никому не избежать, я бы хотела, чтобы именно ты все для меня организовал. Мне кажется, у тебя неплохо получится.

— Очень надеюсь, что до этого не дойдет, — серьезно отвечаю я.

— Только положи меня в гроб красивой. — Марина веселится: смерть кажется ей чем-то далеким и совсем нестрашным. — Нос мой горбатый, может, наконец поправишь мне, потому что я точно умру раньше, чем сделаю себе пластику.

— Еще чего, — отвечаю я. — Я не лишу тебя посмертно главного в твоём шарме и обаянии.

Марина смеется и поворачивается в профиль. У нее очаровательный носик с горбинкой, предмет общего восхищения и ее постоянных шуговых издевательств над собой.

— Все равно, если что, я буду рассчитывать на твои услуги.

— Тогда нам нужно будет состариться вместе — при этом условии я согласен.

Марина смеется, откидывает темные волосы, и ее знаменитая улыбка сияет ярче, чем отраженный свет в зеркалах и стекле у нее за спиной. Она выходит из-за стойки и идет убрать стаканы с дальнего столика. Стрелка на часах уже приближается к двум, а значит, скоро нужно будет готовить бар к закрытию. Очередной вечер, незаметно ставший ночью, подходит к концу.

Я гашу сигарету, а Марина возвращается за стойку.

— А вообще я бы хотела никогда не умирать, — говорит она.

— Мне кажется, это ужасно тоскливо.

— Только если сидеть в баре каждый вечер, — парирует Марина. — А если постоянно чем-то заниматься, новым, интересным... ну, ездить по разным странам, читать, учить языки...

— То хватит тебя лет на сто, — отвечаю я. — А потом ты окажешься запертой в этом мире, как в склепе, в унылой компании опостылевших стран, надоевших людей и наскучивших занятий. Смерть придает жизни хоть какую-то осмысленность, хотя бы в качестве подведения итогов.

— А мне кажется, что умирать очень обидно, как выйти из кинотеатра посередине сеанса: фильм еще не закончился, а ты уже ушел.

— Тогда налей мне еще немного, и я выпью за апокалипсис: пусть фильм закончится для всех и сразу.

Марина с улыбкой качает головой, но наливает немного виски на дно моего стакана. Я залпом проглатываю огненный напиток, запиваю его остатками уже остывшего кофе, встаю, кладу деньги на барную стойку. Марина возится в углу с кассой.

Я смотрю наружу сквозь темное мокрое стекло. Дождь и ветер поджидают меня, как уличные хулиганы.

— Тебя проводить? — спрашиваю я.

— Все-таки решился? — улыбается Марина.

— Я имею в виду, до дома. Погода дрянь, да и время суток не располагает к прогулкам.

— Не надо, — Марина машет рукой, — я такси вызову. Спасибо. Да и мне тут еще нужно посчитать, потом выключить все... Поезжай.

— Как джентльмен, я должен был предложить.

— Спасибо, леди наймет себе экипаж.

Все, наш обычный ритуал прощания состоялся. Я ни разу за полгода не настоял на том, чтобы проводить ее, а она ни разу не

согласилась, точно так же, как я ни разу не сделал попытки пригласить ее встретиться где-нибудь за пределами «Винчестера», а она ни разу не дала мне ни намека на то, что ожидает от меня чего-то подобного. Может быть, так даже лучше, оставаться друг для друга ночными собеседниками. А может быть, я просто боюсь потерять то, что есть между нами сейчас, и превратить это в двусмысленное слово «отношения». Пусть уж лучше все остается как есть.

Я застегиваю пальто и иду к дверям. Марина провожает до выхода. Я снова смотрю на нее, и у меня вдруг чуть сдавливает сердце от какого-то промелькнувшего щемящего чувства. Марина стоит передо мной, смотрит мне в глаза и улыбается. Я думаю о том, какая она красивая, а еще о том, как мне не хочется оставлять ее здесь одну.

— Ну все, пока, — говорит она и целует меня в щеку.

Я целую ее в ответ, прикасаясь губами к теплой мягкой коже, и чуть касаюсь руки.

— До завтра, — то ли прощаюсь, то ли спрашиваю я.

— До свидания, — улыбается она.

Я открываю дверь и выхожу на улицу.

Темнота, холод, ветер и дождь мгновенно обрушиваются на меня, злобно радуясь неожиданной ночной жертве. Ледяные капли бьют по лицу, сыплются за воротник, который я стараюсь поднять повыше. Из темных узких коридоров улиц с завыванием вырываются сквозняки. Чуть правее виднеется в сумраке серая громада стадиона. Стены домов уходят прямо в клубящееся серыми тучами небо. Кошмарные сновидения их обитателей смотрят на меня через черные мокрые стекла. Я подхожу к набережной и поднимаю руку. Машин в этот час совсем мало, и только минут через десять, когда стылый ветер уже пробрал меня до костей, из мрака вырывается нечто, словно наспех склепанное гоблинами из плохо подогнанных листов железа. Собственно, один из этих гоблинов и сидит за рулем.

— Куда ехать? — слышу я каркающий голос.

— Черная речка, — отвечаю я, — самое начало Приморского проспекта.

И, не дожидаясь переговоров о цене, падаю на продавленное сиденье и захопываю дверцу.

— Поехали, — говорю я, откидываясь на спинку, стараясь не очень надавливать ногами на ржавое днище, и прикрываю глаза.

* * *

Я просыпаюсь мгновенно, как будто кто-то повернул выключатель, и сразу открываю глаза. В комнате тихо, и только сквозь оконные рамы едва доносится протяжный шум просыпающегося города. Некоторое время я просто смотрю перед собой, осознавая реальность, к которой вернулся после долгих и тревожных блужданий во сне. Я лежу на диване, завернувшись в покрывало. Прямо передо мной темный экран молчащего телевизора. В одном углу комнаты неуклюжее кресло, в другом — большой старомодный шкаф. Залежи коробок с DVD громоздятся на полу по обе стороны от телевизионной тумбочки. Рядом с диваном небольшой шаткий столик, на нем две пустые бутылки из-под ирландского эля и пластиковый контейнер с остатками какой-то еды. Значит, вчера я еще заходил в магазин по дороге домой. Постепенно возвращаются воспоминания о прошлом вечере: ржавая колыхага с угрюмым водителем, дождь, бар, Марина. Я приподнимаю покрывало, с удовольствием отмечая, что все-таки успел раздеться перед тем, как провалиться в сонное забытие. Некоторое время я еще лежу, пытаюсь вспомнить сон, который видел, но образы сновидений мгновенно лопаются, как мыльные пузыри, стоит только мысленно к ним прикоснуться и попытаться обозначить словами. Постепенно от сна остается только смутное неуловимое ощущение, как будто близорукий человек пытается рассмотреть картину, расплывающуюся у него перед глазами в одно пестрое, но бесформенное пятно.

Я откидываю покрывало и встаю. Тело отвечает легким головокружением, но это уже привычное для меня ощущение. Иногда организм выражает свои протесты по поводу моих ночных бдений гораздо более радикально.

В окно льется мутный утренний свет. По проспекту уже несутся машины, постепенно формируя нескончаемый железный поток. Небо немного просветлело, дождя нет, и солнце висит за тонким пологом серой дымки размытым, но ярким пятном. Темная вода в реке сонной холодной змеей ползет мимо рассыпающихся набережных и каменных лестниц, подступающих к ее свинцовой поверхности. Деревья в парке на другом берегу расцвели, как печальные цветы смерти: желтым, багровым, лихорадочно-красным и рыжим.

Я иду на кухню, по пути заглядывая в кабинет, служащий мне одновременно и спальней: костюм аккуратно висит на вешалке, зацепившейся крюком прямо за крышу шкафа. Я не помню, как

снял одежду, но приятно, что некоторые рефлексy не зависят от состояния сознания. На кухне я наполняю стакан водой из-под крана и жадно пью. Наливаю второй, выпиваю почти до конца и выплескиваю остатки воды в раковину, на что она сразу отзывается недовольным хрипением. Часы на стене показывают восемь утра, и я не могу понять, что могло разбудить меня так рано, вырвав из сна, словно по сигналу тревоги.

Я возвращаюсь в комнату и вижу, что телефон слабо мерцает: пропущен звонок или сообщение. Так и есть: оповещение о новом письме, пришедшем на мой электронный ящик. Я беру телефон, иду в кабинет и включаю ноутбук, вяло раздумывая о том, от кого могло быть сообщение и не потребуется ли от меня в связи с этим каких-то активных действий прямо сейчас. Пусть уж лучше это будет спамом.

Систему оповещений о новых письмах, приходящих на электронную почту, я поставил себе год назад. В работе похоронного агента своевременное получение информации — это гарантия успешного бизнеса, а многим моим информаторам — сотрудникам полиции, врачам «Скорой помощи», вообще всем тем, кто первым оказывается у еще не успевшего остыть тела, часто гораздо проще послать СМС или отправить сообщение на электронную почту со своего телефона. Кого-то из этих людей я знаю лично, с кем-то знаком только заочно, а некоторые предпочитают скрываться за анонимными электронными адресами, получая свою долю от моих комиссионных с помощью электронных платежей. Меня это вполне устраивает — во всяком случае, гарантирует то, что какой-нибудь участковый или санитар не станет навязываться мне в приятели и надоедать лишними разговорами.

В почтовом ящике одно новое сообщение с адреса dilleachta@gmail.com. Да, так и есть — один из моих анонимов. Пара интересных дел за последние полгода, стандартная оплата, электронный анонимный кошелек.

На этот раз в теле письма я вижу только одно слово, набранное крупным шрифтом.

МАРИНА.

Я откидываюсь на спинку стула и чувствую, как кровь с шумом приливает к голове, мгновенно вымывая остатки алкоголя. Пару секунд я просто смотрю на слово, написанное крупными буквами. Ощущение такое, словно кто-то в пустой квартире неожиданно окликнул меня по имени: внезапное, очень личное и страшное обращение.

Шум в голове сменяется крикливым хором мыслей. Я хватаю телефон и набираю номер. Секунда ожидания, и женский голос вежливо сообщает мне, что «аппарат вызываемого абонента выключен или находится вне зоны действия сети». В следующее мгновение я срываюсь с места и лихорадочно начинаю одеваться. Письмо так и остается открытым, и на экране по-прежнему светится имя: МАРИНА. Я мельком вижу его, когда захопываю входную дверь.

Мой «Wrangler» стоит у парадной. На лобовом стекле несколько крупных желтых листьев — штрафные квитанции осени. Я прыгаю за руль и, уже выезжая из двора, понимаю, что не знаю, куда мне ехать. У меня есть фамилия Марины и номер ее мобильного телефона, но для того, чтобы установить адрес, мне потребуется два звонка и пятнадцать минут времени, а я не хочу ждать ни секунды. Я решаю ехать в «Винчестер» и, если ситуация не прояснится, потом разобраться на месте.

Через одиннадцать минут я резко торможу у дверей бара, наплевав на правила парковки и на возмущенные сигналы подрезанного мной «Jaguar». Мне невероятно везет: за эти несколько минут бешеной гонки я раза три должен был лишиться прав, два раза разбить свою и чужую машины, и это не считая очевидных последствий вчерашних алкогольных возлияний.

Железные жалюзи «Винчестера», которые обычно опускают на ночь, защищая двери и окна, сейчас подняты, и я вижу, что в баре горит свет. Сердце сжимается в тугой комок. Любое нарушение установленного порядка в этом мире — это сигнал опасности или уже свершившейся беды. Внезапный ночной звонок в дверь, чужие люди у дома или офиса, настезь раскрытая дверь соседской квартиры — и свет в ночном баре в девятом часу утра.

Я открываю дверь: она не заперта, колокольчик отзывается тусклым, неживым звяканьем.

Под потолок горят тусклые лампочки в большой погнутой люстре, похожей на висящего паука. Включенный свет странным образом создает ощущение, что в помещении темнее, чем если бы оно было освещено только утренним солнцем, лениво заглядывающим через окна. Неприглядные детали интерьера, обычно скрытые полумраком, теперь бесстыдно лезут в глаза: неопрятные стены, ковер, похожий на втопанную в пол грязную тряпку, пятна на обивке дивана. Я вижу, как что-то метнулось за барной стойкой, и подхожу ближе. Маленькая Ира Орешкина, еще одна девушка-бармен этого заведения, смотрит на меня

огромными округлившимися глазами так, будто увидела призрака.

— Ой, — говорит она. Я вижу, как дрожит ее рука, сжимающая пивной бокал с какой-то желтой жидкостью, плещущейся на дне.

— Привет, Ириша, — говорю я.

— Ой, — отвечает она, и я вижу, как в ее больших карих глазах появляются слезы.

Из небольшого коридора, отделенного от зала тремя ступеньками, доносятся голоса и несет холодным воздухом. Я иду туда. В коридоре тоже горит свет, я иду мимо туалетов и вижу, что дверь черного хода, обычно запертая на тяжелый железный крюк, открыта настежь. Голоса становятся громче. Из подсобки, расположенной рядом с черным ходом, слышится звук падения чего-то тяжелого. Мне навстречу выходит Толик — хозяин бара. Его лицо, обычно покрытое красно-бронзовым загаром спортсмена-экстремала, сейчас непривычно бледно, короткие светлые волосы взъерошены.

— Уже знаешь?.. — спрашивает он меня и, не дожидаясь ответа, скрывается за одной из боковых дверей. Я прохожу мимо подсобки. Еще один совладелец «Винчестера», Андрей, длинными волосами и бородкой похожий на постаревшего мушкетера, вместе с каким-то незнакомым человеком возится с упавшим пивным кегом. Он не замечает меня, и я выхожу через дверь черного хода во двор.

Двор этот квадратный и почти всегда пустой. Его иногда используют как ринг для поединков гости бара, достаточно пьяные, чтобы необходимость физически выяснять отношения казалась неизбежной, но сохранившие довольно благоразумия, чтобы не делать этого на танцполе. Дома, окружающие двор с четырех сторон, похожи на троллей, которых застал свет утра, и они окаменели, разинув беззубые провалы дверей и вытаращив мутные остекленевшие глаза окон под низкими тяжелыми бровями карнизов. Бледные солнечные лучи скользят по их изрытой оспой времени серой каменной коже.

Первое, что я вижу — это машины. «Скорая помощь», рядом с открытыми задними дверцами которой курят санитары. Полицейский автомобиль ППС. Еще пара машин с номерами МВД и прокуратуры припаркованы в дальнем углу. Оба въезда — через арку и со стороны набережной — перекрыты желтыми лентами, рядом с которыми мается пара молодых полицейских. Еще один человек в форме, толстый, усатый, негромко разговаривает недалеко от входа в бар с двумя оперативниками в штатском.

Какие-то хмурые люди расхаживают с мобильными телефонами. Периодически где-то хрипло включается рация. На меня никто не обращает внимания. Я поворачиваю голову влево, смотрю вниз и наконец вижу Марину.

Для того чтобы понять, что это она, мне требуется несколько секунд. Она лежит на спине, вытянувшись на грязном асфальте чуть левее двери черного хода. Одежда превратилась в комок раскромсанных заскорузлых лохмотьев. Сквозь грязь и кровь можно различить только несколько клеток на юбке из шотландки. Собственно, эта юбка и бледная кисть руки — изящная, легкая, красивая, безжизненно лежащая на асфальте, — то единственное, по чему я могу узнать Марину. На вытянутых ногах зияют рваные раны на месте вырванных из тела кусков плоти, в одной из ран сквозь обрывки ткани и почерневшей кожи бежит бедренная кость. Изодранные в клочья руки раскинуты в стороны, запястья раздроблены. Тело обнажено до пояса, но это понятно не сразу, потому что на месте груди зияет огромная багрово-черная дыра, оскалившаяся беловатыми осколками сломанных ребер. Грудная клетка словно взорвалась изнутри, вместо мешанины органов — кровавая пустота. Горло отсутствует, и сквозь красноватые и белесые жилы видны шейные позвонки.

Я перевожу взгляд на лицо. Даже сквозь сплошную бурую пленку запекшейся крови видно, что оно белое, как листок бумаги, брошенный на серый асфальт. Глаза зажмурены, словно это было единственным средством защититься от обрушившегося на нее кошмара. Губы растянuty в последнем предсмертном оскале. Темные волосы слиплись от крови в один большой колтун, нелепо торчащий в сторону.

Я делаю выдох. Похоже, я не дышал минуту-другую, и сейчас воздух все-таки вырвался из легких с сирым, свистящим звуком. Рядом с телом я вижу брошенную сумочку, из которой раскатилась какая-то пластиковая мелочь, связку ключей и раздавленный мобильный телефон.

«Аппарат вызываемого абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

— ...собаки, — слышу я обрывок разговора усатого участкового и двух оперативников в штатском. Я с трудом отвожу взгляд от тела и прислушиваюсь.

— Я тоже видел, этим летом. Только там другое было. — Усатый не спеша закуривает сигарету. — Меня на труп вызвали, в коммуналку. Тут недалеко. Короче, там старуха умерла, а вместе с ней в комнате жили собаки, мелкие, но штук пять. Дворняги, в

общем. Два дня соседи ничего не замечали, а собаки в это время труп обгрызли почти до костей. Ну, а на третий день, когда на жаре старуха уже протухла, тогда уже стали выть, и соседи запах почувствовали. В общем, когда мы приехали, там уже все тело в опарышах... Так вот, очень было похоже на это. — Оперативник машет сигаретой в сторону тела Марины.

Я продолжаю слушать.

— Пару лет назад в питомнике два ротвейлера алкоголичку порвали, — говорит оперативник в черной кожаной куртке. У него неприятное рыхлое лицо и маленькие бегающие глаза. — Она там смотрела за ними, пьяная вошла в вольер — ну и все. Как здесь почти: руки начисто отгрызли, ноги порвали, ну и горло...

— Эксперт когда будет? — спрашивает второй.

— Десять минут, — откликается один из мужчин с телефоном. — Уже звонили, сказали, едет.

Я бросаю еще один взгляд на тело. Растерзанная и брошенная на грязный асфальт упаковка человека. Словно кто-то очень жадный, злой и нетерпеливый рвал обертку конфеты, чтобы быстрее добраться до начинки живой души.

Я возвращаюсь в бар и вижу, как Ира Орешкина выливает в пивной бокал маленькую баночку энергетика, а потом до краев доликает бокал водкой. Судя по ее неуверенным движениям, проделывает это она сегодня уже не в первый раз. Я сажусь напротив нее и закуриваю. Некоторое время она молчит и только делает несколько жадных глотков. Я не тороплю ее и ни о чем не спрашиваю. Она тоже видела тело.

Наконец Ира отрывается от бокала и начинает говорить, сбиваясь, путаясь в словах заплетающимся языком и проглатывая слезы.

Около двух, как обычно, Марина закрыла кассу. В 2:10 она послала СМС Толику с отчетом по вечерней выручке. В 2:15 позвонила и вызвала машину, знакомого таксиста Валеру, который был почти официальным водителем для сотрудников и некоторых постоянных гостей. В 2:35 Валера остановился перед входом в «Винчестер» и сидел в автомобиле. Свет в баре уже был погашен, но Марины на улице не было. Он подождал минут десять, потом позвонил ей на мобильный, но телефон оказался выключен. Валера подумал, что она уже поймала другую машину, или, скорее всего, вообще ничего не подумал, развернулся и поехал домой.

«Если бы этот недоумок оторвал свой зад от сиденья и обошел бар с другой стороны, все могло быть иначе», — думаю я,

кивая и слушая Иру. Потому что именно в то время, пока он сидел в теплом салоне автомобиля, слушая блатные напевы и ленясь выйти под дождь, буквально в нескольких метрах от него умирала Марина.

Конечно, Валера ничего не слышал, и это неудивительно: в закрытой машине с включенной музыкой сквозь шум дождя он действительно мог не слышать, что происходит за домом, в глухом дворе. Судя по всему, Марина выключила свет в баре и прошла через черный ход, чтобы потом с помощью пульта опустить со стороны улицы железные жалюзи на входную дверь и окна. Девочки-бармены всегда делают именно так. Только вот на этот раз выйти из двора ей было уже не суждено.

«Проводишь меня?» Я вспоминаю улыбку и взгляд. Я мог бы задержаться на полчаса. Даже меньше. Я мог бы просто подождать ее для того, чтобы посадить в это чертово такси. Вместо этого я поехал домой и как раз покупал в круглосуточном супермаркете пиво, когда Марина умирала на грязном заднем дворе, захлебываясь болью и кровью.

Я открываю глаза, мотаю головой и стараюсь сосредоточиться на том, что говорит мне Ира.

Марину нашли примерно в семь утра, когда старуха из дома во дворе вышла по каким-то своим старушечьим делам. Она увидела издали что-то, что показалось ей порванным мешком для мусора с кухонными отходами: фаршем и обломками костей. Подумала еще, кто же это выбросил мусор прямо у задней двери бара, а потом подошла ближе... Приехавшие сотрудники полиции позвонили Толику и Андрею, те и опознали Марину. Толик срочно вызвал Иру — зачем, она не знает, да и он тоже вряд ли понимал, зачем это делает, наверное, просто чтобы кто-то был в баре, если уж двери открыты. И вот сейчас еще нет девяти, а она уже пьяная, и что теперь делать весь день, а сегодня ее смена, а ты ее видел, и что же это такое, и как это может быть, и я теперь никогда не останусь тут ночью... Ира снова начинает дрожать, слеза капает в наполовину опорожненную кружку с водкой и энергетиком. К негромким мужским голосам, доносящимся со двора, присоединяется женский. Наверное, приехал эксперт. Я молча гашу сигарету и снова иду к двери черного хода. Настало время кое-что уточнить. Боковым зрением я вижу, как Ира опять тянется к бутылке с водкой. Похоже, скоро Толику придется вызывать сюда еще одного бармена.

Рядом с телом Марины присела молодая женщина в светлом